

УДК 94(571.53)

Общественная деятельность еврейских общин губернских и областных центров Восточной Сибири как средство национальной самоидентификации во второй половине XIX–XX вв.

А. В. Гимельштейн

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Рассматривается деятельность еврейских общин городов Иркутска, Красноярска, Читы по самоидентификации еврейского этноса.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, города, еврейские общины, деятельность.

Среди конфессиональных (национальных. – А. Г.) общностей губернских и областных центров Восточной Сибири второй по численности была иудейская (еврейская). В численном отношении евреи составляли небольшую часть населения Сибири. На протяжении второй половины XIX – начала XX вв. статистика фиксирует невысокий, но устойчивый рост еврейского населения региона: с 0,23 до 1,3 % в Иркутской губернии, от 0,5 до 0,9 % в Енисейской губернии, от 1 до 1,75 % в Забайкальской области и с 0,04 до 0,21 % в Якутской области. В абсолютных показателях численность еврейского населения в губерниях Восточной Сибири выглядит следующим образом: 1863 г., Иркутская губерния – 871, Енисейская – 1 569, Забайкальская область – сведений нет, Якутская – 94 человека. В 1911 г. в Иркутской губернии проживало 9 820 евреев, в Енисейской – 8 455, в Забайкальской области – 15 000, в Якутской – 547.

В отличие от православного населения, в географическом отношении проживавшего по всей территории губерний и областей региона, евреи, несмотря на существующие запреты и ограничения, селились преимущественно в городах. Динамично развивающиеся крупные торговые центры, в отличие от сел и деревень, являлись местом притяжения для евреев. В качестве примера приведем Красноярск и Читу. В первом в 1883 г. в проживало 27,9 % от численности еврейского населения губернии, в Чите в 1910 г. соответственно 75,1 %. Соотношение численности евреев к общей численности населения губернских центров выглядит следующим образом: в Иркутске в 1863 г. проживало 211 евреев, что составляло 3,95 % от общего населения города, в Красноярске – 362 еврея (4,1 %), в Чите в 1870 г. – 317 евреев, т. е. 12,2 % общей численности горожан. Необходимо отметить, что данный процесс не являлся особенностью восточносибирского региона. Рост еврейского населения отмечается исследователями и в городах Западной Сибири.

Еврейское население региона рекрутировалось из нескольких составляющих. Во-первых, это ссыльные; во-вторых, лица, прибывшие в ссылку вместе со своими семьями; в-третьих, ссыльнопоселенцы, и, наконец, местные уроженцы. Как источник роста еврейского населения Сибири следует отметить высокие темпы естественного прироста, характерные для еврейских семей Сибири. Д. А. Милютин, составитель в высокой степени информативного сборника о Сибири, отмечал, что 7-8 детей в еврейской семье не было редкостью. Если в том же Иркутске по данным на 1873 г. на одну православную семью приходилось в среднем 2,42 ребенка, на одну католическую – 1,43, то на еврейскую – 5,6. Современные исследователи вопроса отмечают такую же тенденцию.

Профессиональная структура еврейской общины губернских и областных центров по переписи 1897 г. выглядит следующим образом: в Иркутске торговлей одеждой и тканями занималось 2,6 % еврейского населения; торговлей продуктами сельского хозяйства – 17,4 %; изготовлением одежды – 16 %; извозом – 4,4 %; поденщиной – 5,3 %. В Красноярске торговали сельскохозяйственной продукцией 15,7 % еврейских семей; изготовлением одежды занимались 11,5 %; извозом – 10,5 %; поденщиной – 5 %. В Якутске соответствующие показатели составляли: 14,2 %; 20,7 %; 7,1 %; 15,7 %.

В сословном отношении большая часть евреев губернских и областных центров региона принадлежала к мещанам и цеховым. В Иркутске, например, этот показатель равнялся 44,5 %, в Якутске – 45,8 %. В Чите, наоборот, мещане составляли «только» 15,2 %, а вот купцы – 49,9 % еврейского населения города. Экономическая ниша, занятая евреями губернских и областных центров региона, была типичной и для российских евреев, а выбор отраслей рыночной инфраструктуры в качестве основной отрасли специализации естественен. В результате своей экономической деятельности евреи губернских и областных центров Восточной Сибири стали жизненно необходимой «деталью» хозяйственного механизма региона. В Иркутске – экономическом центре региона, по данным за 1916 г., из 18 купцов первой гильдии 12, т. е. 67 %, были евреями, среди купцов второй гильдии удельный вес евреев составлял 58,7 %, а в целом среди городского купечества доля евреев составляла около 52 %. Эту же закономерность можно проследить и на протяжении более раннего, но весьма длительного периода. Это указывает на постоянство экономических связей в еврейской диаспоре. Без многочисленных представителей малого бизнеса, служащих своего рода базой крупного бизнеса, существование мощной финансовой пирамиды было невозможно. Нельзя не признать, что предпринимательские структуры этой этнической группы выглядели стабильными. Можно констатировать, что еврейская колония занимала заметное место в хозяйственной жизни губернских и областных центров Восточной Сибири. Еврейские колонии губернских и областных «столиц» региона представляли собой, по понятию В. И. Дятлова, «предпринимательское меньшинство», занимающее в обществе определенную экономическую и социальную нишу. В то же время евреи выступали и как «чужаки», а остальное сибирское население, по преимуществу православное, являлось для них «принимающим

обществом». В этой непростой позиции «свой–чужой» обе стороны оказались заинтересованными во взаимном сосуществовании.

Сибирское общество эпохи модернизации представляло собой весьма пестрый в экономическом, этническом, религиозном и культурном отношении мир, где традиционно уживались представители различных цивилизаций. Важной его особенностью была веротерпимость. Сибиряк, по словам Н. Астырева, будучи православным по вероисповеданию, в то же время «индифферентен к вопросам веры вообще. Привыкнув издавна видеть в своей среде ссыльных сектантов разных толков, затем – евреев, магометан, лютеран, католиков, приглядываясь к жизни и верованиям своих близких соседей – буддистов и шаманистов, он выработал известную веротерпимость взглядов». С другой стороны, на положении евреев в принимающем социуме не могла не сказаться и вполне закономерная ассимиляция «чужаков» с местным православным населением. Сравнительно немногочисленное еврейское население, «разбросанное на обширной территории, среди многомиллионного русского и инородческого населения, не могло... не поддаться влиянию окружающей среды» и вольно или невольно переняло у него «немало местных обычаев и нравов». Не случайно современники отмечали, что сибирские евреи «почти не напоминают своих сородичей и соплеменников в европейской России...». Имея в виду именно это обстоятельство, известный исследователь сибирской каторги С. Максимов еще в 70-х гг. XIX в. отмечал: «Евреи в Сибири одеваются по-русски, женщины ни в чем не отличаются от сибирских мещанок... Старики говорят по-польски и по-русски; поколение, народившееся в Сибири, не знает польского, но довольно сильно в русском. Третье поколение забывает и еврейский язык и даже дома говорят по-русски». Для большинства сибирских евреев к началу XX в. русский язык стал коммуникативным средством общения. Они говорили почти без акцента, «чистым языком, более правильным, чем сибиряки, у которых речь» была пересыпана разными «местными словами» с «испорченными окончаниями».

На инкорпорации евреев в сибирское общество, имея в виду их хозяйственную «специализацию», не могла не сказаться и позиция местного купечества, в особенности иркутского, занимающего лидирующее положение в регионе. Последнее вообще выделялось в Зауральском крае своим высоким социальным статусом и большой общественной значимостью. Имея в виду именно это обстоятельство, Г. Потанин – выдающийся знаток и патриот Сибири, отмечал, что иркутский купец, в отличие от своего коллеги – томского «просола», не только являлся поставщиком на запад элегантных продуктов востока, но и общался с учеными, испытывал «удовольствие от чтения книг», от путешествий «с просветительской целью», от употребления «своих денежных средств на просветительное предприятие», вне «удовлетворения своих животных потребностей». В таком крупном торговом городе, как Иркутск, местная христианская торговая элита представляла собой «вестернизированную модель, достаточную для того, чтобы евреи ей подражали».

Такая обстановка не могла послужить благоприятной почвой для развития ксенофобии. Несмотря на зигзаги правительственной политики, она спо-

собствовала развитию общественной и культурной деятельности еврейских диаспор региона. При этом поведенческий стереотип членов еврейских общин основывался, с одной стороны, на известной экономической состоятельности, уровне образованности, с другой, – на стремлении органически войти в «принимающее общество», стать его неразрывной составной частью.

Прежде всего, необходимо отметить участие евреев в деятельности органов городского самоуправления. Как известно, в связи с разработкой городского положения 1870 г. в 1862 г. последовал циркуляр Министерства внутренних дел, предписывающий губернаторам образовать в губернских и иных городах «комиссии из наиболее опытных и следующих лиц с приглашением в оные депутатов из всех сословий города», которым предписывалось представить свои соображения в связи с проектируемой правительством реформой. Такие комиссии и были образованы в 170 городах империи. В нашу задачу не входит анализ их работы, однако в связи с постановкой вопроса об участии евреев в работе органов городского самоуправления отметим, что ни одна из этих комиссий не высказалась против такого участия. Более того, городское положение 1870 г. допускало избрание евреев в гласные и члены управ городских дум, хотя и с некоторыми оговорками. Статья 88 закона 1870 г. подчеркивала, что «евреи не могут быть избираемы в городские головы, ни исправлять их должность». Число членов городской управы из нехристиан не могло превышать одной трети всего ее состава. Хотя данная статья закона и вводила ограничения по национальному признаку, однако прямого запрета на избрание евреев в органы городского самоуправления она не содержала. Именно поэтому в Чите в 1880 г. из 30 гласных городской думы было 5 евреев, а купцы Л. Шмулович и З. Помус избирались городскими старостами. В Иркутске купец первой гильдии С. Кальмеер пробыл гласным городской думы 8 лет, городским старостой служил Л. Лейбович. Кроме них в 80-х гг. гласными городской думы были А. Б. Волленер и Б. Г. Патушинский. В Красноярске еще до принятия городского положения местные купцы и мещане в 1867 г. ходатайствовали перед губернской администрацией о разрешении избирать в «общественные службы евреев как купцов, так и мещан, причисленных к городу».

Однако, как известно, в 1892 г. было принято новое городское положение. Этот документ отразил изменившиеся представления власти о месте и значении городского самоуправления в империи в конце столетия. Теперь, в отличие от городского положения 1870 г., евреи не допускались к участию в городских избирательных собраниях и, соответственно, не могли избираться в органы городского самоуправления. Подобное новшество на практике стало одним из проявлений «новой» национальной политики правительства Александра III, которая характеризуется «решительной русификацией и угнетением национальностей». По меткому замечанию государственного секретаря А. А. Половцева – человека, которого трудно заподозрить в намерении сгустить краски, именно в этот период российской истории «стала разыгрываться травля против всего, что не имеет великорусского образа», а немцы, поляки, финны, евреи и мусульмане объявляться «врагами России без всяких

шансов на примирение и на совместный труд». Разумеется, подобные правовые ограничения приводили к снижению общественного статуса евреев, независимо от места проживания – будь то Европейская Россия или Сибирь. С учетом того обстоятельства, что в руках евреев находилась примерно четвертая часть торговых оборотов этих городских центров, а еврей-предприниматели являлись исправными плательщиками городских налогов и сборов, подобные действия правительства были вызывающе оскорбительными. Однако именно в этот период, в конце XIX и начале XX в., несмотря на правовые ограничения, социальная активность членов еврейских колоний губернских и областных центров региона стала проявляться с особенной активностью в деятельности различных общественных и благотворительных организаций.

Прежде всего, нужно отметить активное участие еврейских купцов в работе представительных организаций сибирской буржуазии, которые стали активно возникать на рубеже XIX и XX вв. Особый интерес еврей-предприниматели проявляли к деятельности биржевых комитетов. С учетом их торгово-финансовой «специализации» подобный интерес вполне понятен. Наличие биржи в городе для местных предпринимателей являлось показателем не только развития промышленности и торговли, биржа была организацией с несомненными представительскими функциями, что существенно повышало престиж местных бизнесменов. К этому необходимо добавить, что на основании именного указа о выборах в Государственный Совет от 20 февраля 1906 г. биржевые комитеты получали право такого участия в виде делегирования прав выборщикам.

В декабре 1904 г. в Иркутской городской думе состоялось собрание иркутского купечества, на котором обсуждался вопрос об открытии в городе торговой биржи. Абсолютным большинством голосов (31 против 5) было принято решение о поддержке такого ходатайства перед правительственными органами. Для нашего сюжета важно подчеркнуть, что в состав «приготовительной» комиссии из пяти человек, образованной с целью подготовки окончательной редакции решения собрания, вошло три еврея – это известные в Иркутске предприниматели и общественные деятели С. С. Кальмер, Я. Г. Патушинский и Н. Ф. Рафильзон. На всю подготовительную работу у членов комиссии ушло более года. В мае 1906 г. купечество города собралось вновь. Утвердив предложенный проект устава будущей биржи, собрание купечества поручило С. С. Кальмеру представить этот документ на утверждение в Министерство финансов. Выбор кандидатуры С. С. Кальмера – хорошо известного в Иркутске купца первой гильдии, был не случаен. Еще в 1890 г. Петербургская канцелярия по управлению детскими приютами ведомства императрицы Марии ходатайствовала о возведении Кальмера «вне правил» в звание потомственного почетного гражданина за активную благотворительную деятельность в пользу детских приютов «в условиях оскудения денежных средств местного общества». Дело с различными проволочками тянулось до 1892 г., когда Кальмер и получил заветное звание. Попутно заметим, что кроме него звание почетного гражданина имели иркутские купцы еврей братья Е. И. и М. А. Пресманы, А. Д. Штандок, Д. Х. Кухнец, А. М. Шейнис.

Важной сферой общественной деятельности еврейских купцов Сибири была благотворительность. Говоря о ней, следует учитывать, что благотворительность, с одной стороны, служила средством самореализации людей, имеющих деньги, но не имеющих одинаковых прав с остальными членами общества. С другой, она способствовала более тесной интеграции еврейской диаспоры в местное общество, социокультурное пространство региона в целом, служила своеобразным проявлением местного патриотизма. Благотворительность евреев проявлялась в различных формах: поддержка культуры и образования, здравоохранения, научных обществ и т. д.

В середине 90-х гг. в Иркутске большой общественный резонанс получили работы по строительству нового каменного здания городского театра, сгоревшего в 1890 г. Театр возводился на пожертвования и принадлежал городу. Ход строительства, расходование средств контролировал образованный для этого общественный строительный комитет, куда наряду с другими вошли уже упоминавшиеся ранее купцы Б. Г. Патушинский и С. С. Кальмер. Руководство всей хозяйственной частью этого большого строительства было возложено на Б. Г. Патушинского, с чем он блестяще справился. На это указывает в своих воспоминаниях редактор «Восточного обозрения» И. Попов. В 1897 г. в театре был открыт новый сезон, а само здание считалось лучшим в провинции, после Одессы. В числе активных жертвователей следует назвать еврейских купцов А. А. Воллнерера – 600 руб., С. М. Кальмера – 1000 руб., барона Гинзбурга – 10 000 руб., И. М. Файнберга – 1000 руб., Б. Г. Патушинского – 1759 руб., Я. Г. Патушинского – 3000 руб.

В Чите евреи систематически вносили существенные пожертвования на содержание детских приютов ведомства императрицы Марии, в Якутске более трети сборов горожан в пользу раненых в начале Первой мировой войны в октябре 1914 г. составили пожертвования еврейской общины. Учитывая высокую образованность и ревностное отношение к выполнению общественных обязанностей евреев, их часто избирали членами попечительских советов различных благотворительных организаций. В этом смысле общественная деятельность евреев-купцов практически ничем не отличалась от аналогичного поведения их русских собратьев.

Необходимо отметить деятельность еврейской интеллигенции, которая активно участвовала в работе многочисленных научных и культурно-просветительных обществ. В этом смысле первенство принадлежит «Обществу по изучению Сибири и улучшению ее быта», отделения которого были открыты во всех губерниях Сибири. Однако наибольшей активностью выделялось иркутское отделение общества, председателем которого был М. Кроль, а секретарем И. Гольдберг. Евреи были весьма заметны в деятельности получивших известность в Сибири обществ «Попечительство о слепых», «Общество народных развлечений» и мн. др. В целом нужно отметить высокую включенность еврейских диаспор региона в экономическую и общественную жизнь «принимающего общества». Не случайно наблюдательные современники подчеркивали, что «евреи в Сибири совсем не занимают обособленного положения. В общественной жизни они являются типичными си-

биряками... Жизнь русских и евреев, частная и общественная, совершенно переплетаются, семейные и религиозные праздники справляются вкуче приятными кружками, без различия вероисповедания. Обособляются эти простые сердцем люди только для молитвенных отправлений, которые всеми одинаково уважаются».

Рассматривая вопрос о месте евреев в городском сообществе региона, необходимо проанализировать их отношение к религии. В городах Восточной Сибири первые признаки общинной жизни появились в середине XIX в. Раньше это произошло в Красноярске, а затем уже в Иркутске, Чите, позже в Якутске. История борьбы еврейских общин региона за открытие молитвенных домов уже исследована в литературе. Задача нашей темы предопределяет иную постановку вопроса – выяснить, насколько евреи губернских и областных центров были привержены иудаизму.

Совершенно очевидно, что по мере расширения круга общения с окружающей их новой социальной и культурной средой сибирские евреи восприняли многое из того, что не было чисто еврейским. Однако по мере активизации интеграционных процессов усиливалось и стремление к национальной самоидентификации, познанию и сохранению этнической истории. В условиях, когда многие сибирские евреи плохо знали идиш, не умели читать и писать на родном языке, о чем свидетельствуют данные переписи 1897 г., религия оставалась единственным средством самоидентификации. Возрастающая активность еврейских диаспор по инкорпорации с принимающим обществом компенсировалась не менее устойчивой традицией к сохранению национальной индивидуальности, одним из важных проявлений которой была религиозность.

Исследователи быта сибирских евреев конца XIX – начала XX вв. отмечают невысокую набожность сибирских евреев, многие из которых весьма индифферентно относились к соблюдению национальных и религиозных традиций. Несмотря на то, что синагоги и молитвенные дома к тому времени существовали во всех губернских и областных центрах региона, далеко не все они отвечали канонам иудаизма. Сами же евреи отнюдь не всегда отмечали субботу, а во время богослужения большинство молодых людей толпились на улице, так что стороннему наблюдателю представлялась странная картина «какого-то сборища на улице, и совсем с неопределенными целями». В условиях подавляющего «окружения» еврейских диаспор русским населением, высокой степени инкорпорированности еврейских обществ в хозяйственную и социокультурную жизнь сибирского города это было закономерно. Тем не менее, несмотря на мощную «внешнюю ассимиляцию», религиозная жизнь для большинства сибирских евреев оставалась тем стержнем, который объединял их и позволял оставаться самими собой. Вот почему еврейские общины вели длительную, подчас непростую борьбу за право на открытие, а затем и за существование молитвенных домов, которые рассматривались ими как мощное средство национальной самоидентификации.

1. *Астырев Н.* На таежных прогалинах. Очерки жизни населения Восточной Сибири. М., 1891. С. 29–30.
2. *Белковский Г. А.* Русское законодательство о евреях в Сибири. СПб., 1905.
3. ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 5729.
4. *Гончаров Ю. М.* Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. М., 1999. С. 123–124.
5. Дневник государственного секретаря А. А. Половцева Т. 2. М., 1966.
6. *Кальмина Л. В.* Указ. соч. С. 352, 354, 357.
7. *Кудрявцев Ф. А., Вендрих Г. А.* Иркутск. Очерки истории города. Иркутск, 1971.
8. *Максимов С. В.* Сибирь и каторга. СПб., 1871.
9. *Островский Ю.* Сибирские евреи. (Очерк правового, экономического и культурного положения.) СПб., 1911.
10. РГИА. Ф. 1405. Оп. 90. Д. 9093. Л. 1–13.
1. *Astyrev N.* In Taiga glades. Essays on the life of the Eastern Siberia population. M., 1891. P. 29–30.
2. *Belkovskiy G. A.* Russian legislation of Jews in Siberia. SPb., 1905.
3. IRSA. F.32. Inv. 1. Doc. 5729.
4. *Gonsharov Yu. M.* Merchant's family in the second half of the XIXth – beginning of the XXth c. M., 1999. P. 123–124.
5. Diary of the Premier A. A. Polovtsev. Vol. 2. M., 1966.
6. *Kalmina L. V.* Ibid. P. 352, 354, 357.
7. *Kudriavtsev F. A., Venrih G. A.* Irkutsk. Essays on history of the city. Irkutsk, 1971.
8. *Maksimov S. V.* Siberia and penalty works. SPb., 1871.
9. *Ostrovskiy Yu.* Siberian Jewish. (Essays on juridical, economic and cultural situation). SPb., 1911.
10. RSHA. F. 1405. Inv. 90. Doc. 9093. P. 1–13.

Public Activity of Jewish Communities in Provincial and Regional Centers of Eastern Siberia as a Method of National Identification in the Second Half of the XIXth–XXth C.

A. V. Gimelshtein

Irkutsk State University, Irkutsk

The article considers activity on identification of Jews ethnic group performed by the Jewish communities in Irkutsk, Krasnoyarsk, Chita.

Key words: Esat Siberia, cities, Jewish communities, activity.

Гимельштейн Александр Владимирович – кандидат исторических наук, профессор ИГУ, главный редактор издательской группы «ВСП», 664003, Иркутск, ул. Фурье, 15в, тел. 8(3952)203466, e-mail: vsp@irk.ru

Gimelshteyn Aleksandr Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Professor of the Irkutsk State University, Editor-in-chief of the Publishing Group «VSP», 664003, Irkutsk, Furie St., 15b, phone 8(3952)203466, e-mail: vsp@irk.ru